

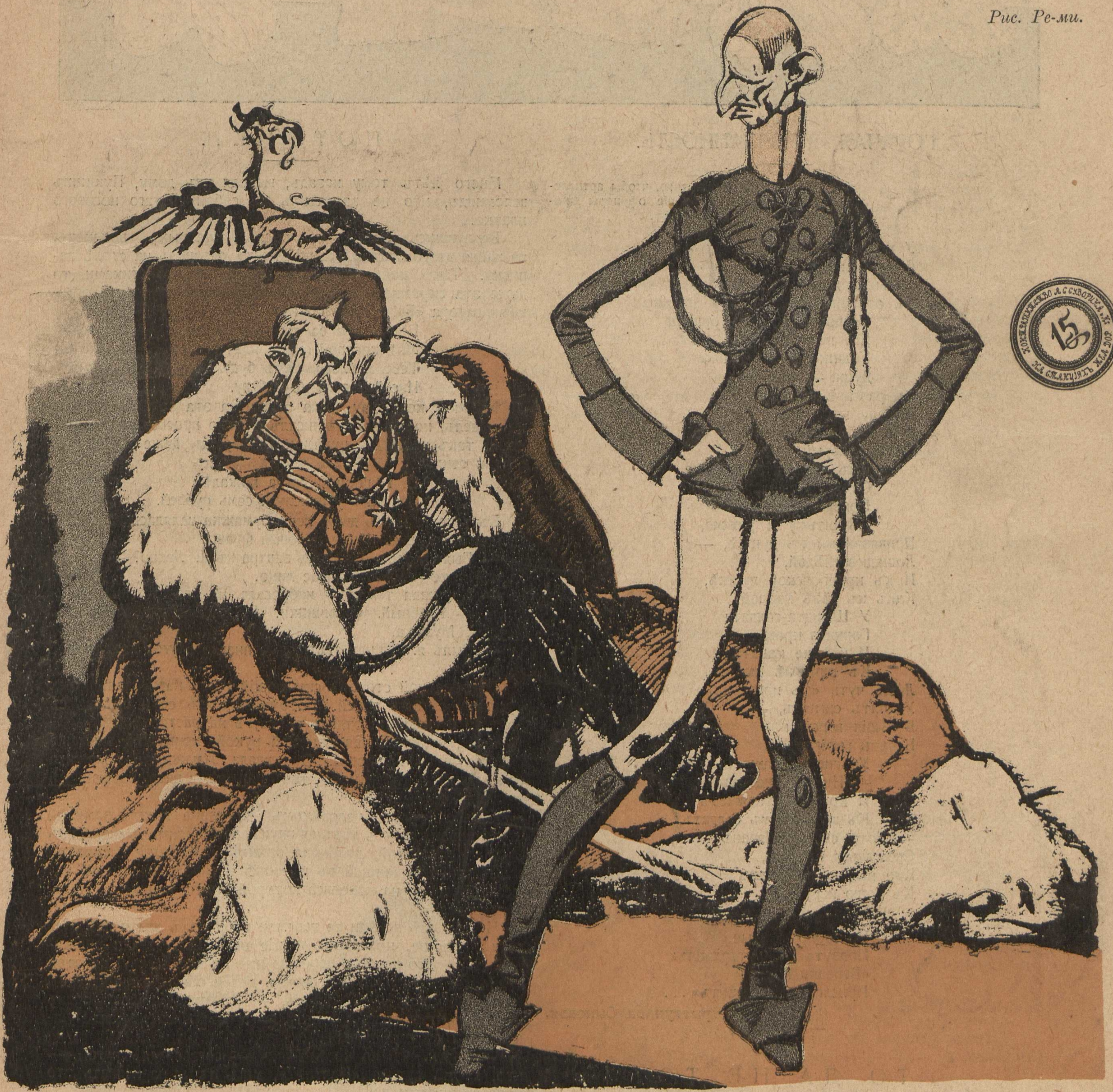
ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. Ш-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **НОВЫЙ**
САТИРИКОН

№ 21

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915
21 МАЯ.

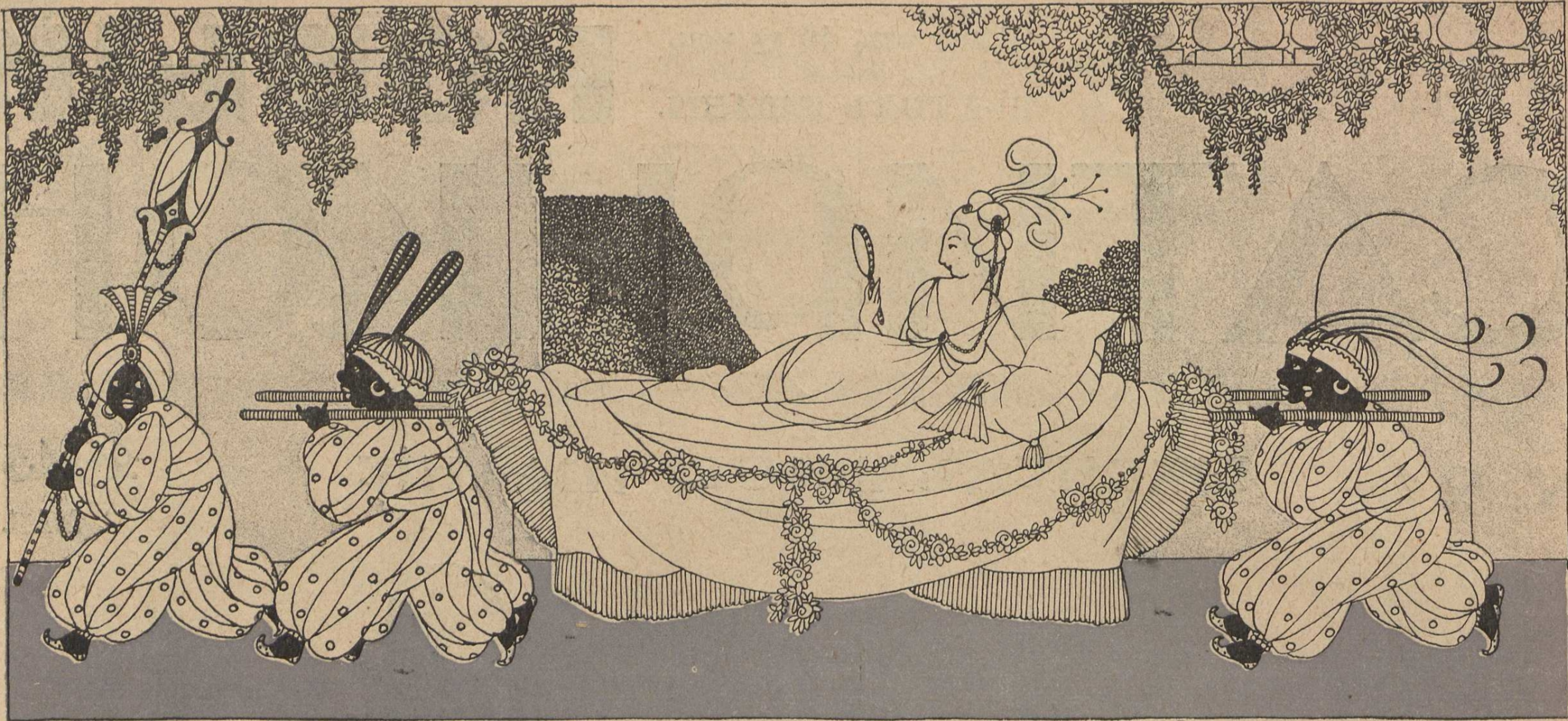
Рис. Ре-ми.

НЕПОЧТИТЕЛЬНЫЙ СЫНЪ.

Вильгельмъ II: — Слыхаль, сынокъ? Говорять, что когда война кончится — насъ съ тобой судить будутъ.

Кронпринцъ: — Да-сь, папенька... Мнѣ то еще ничего, — я дурной наследственностью могу отговориться, — а у васъ даже и этого козыря нѣтъ.

ГОРЯЧАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ.

„Подъ Эпаржемъ для того, чтобы артиллеристы не бѣжали, нѣмецкіе офицеры привязывали ихъ къ пулеметамъ.“

У юнкера Шмидта
Горячая кровь.
Сильнѣй динамита
Къ отчизнѣ любовь.
Мощь русскихъ и бритта
Его не страшить.
У юнкера Шмидта
Душа — мелинить.
Въ разгарѣ сраженья,
Въ аду канонадъ
Онъ полнъ упоенья,
Какъ храбрый солдатъ.
Онъ любитъ безбрежно
Отчизну свою,
Привязанный нѣжно
Къ штыку и ружью,
Привязанный къ душкѣ, —
Лошадкѣ гнѣдой,
И къ крупновской пушкѣ,
Какъ къ дѣвѣ молодой.
У Шмидта-солдата
Горячая кровь
И крѣпче каната
Къ отчизнѣ любовь.
Лишь чуть «къ изготокѣ»
Ударить сигналъ, —
Большія веревки
Береть генераль,
Увѣсисто скажетъ:
— Ни шагу назадъ!
И крѣпко привяжетъ
Къ винтовкамъ солдатъ.
— Тотъ смѣло обязанъ
Сражаться въ бою,
Кто нѣжно привязанъ
Къ коню и ружью!

Но шопоты злые
Ползутъ въ Фатерландъ:
«Веревки гнилыя
Прислалъ интендантъ»...

Дрызгунова Сыновья.

ТО ДА НЕ ТО.

Нѣмецъ: — Мы, какъ римляне у своихъ императоровъ, требуемъ у нашего Вильгельма «хлѣба и зрѣлищъ!».

— Ну, что же, получаете?

— Получаемъ. Только у насъ и хлѣбъ к.-к. и зрѣлища к.-к.!

ПОТОМКИ.

Много лѣтъ тому назадъ, выходя изъ дому, Пушкинъ вспомнилъ, что не захватилъ съ собой чистаго носового платка.

Вернувшись домой и, послѣ тщетныхъ поисковъ, не найдя этого платка, великій поэтъ оставилъ на столѣ записку. Такъ какъ Пушкинъ писалъ только стихами, то даже эта скромная записка была написана звучными строками автора «Евгенія Онѣгина»:

NN! Когда бъ ты приволокъ
Мнѣ носовой одинъ платокъ!
Тебѣ я благодарень буду
И сей услуги не забуду.

NN, къ которому была обращена эта записка, платка не нашель, но сверху приписалъ и свою просьбу, тоже стихами, такъ какъ въ пушкинскій періодъ даже прозу всѣ писали стихами:

О Пушкинъ, друга пожалѣй
И оставь у прислуги семь рублей.

Въ теченіе двухъ дней, пока бумажка валялась на столѣ, на ней появлялись новыя и новыя фразы.

— Былъ у тебя. Поѣдемъ завтра къ Д. Ладно? — писало на ней какое-то незнакомое лицо.

— Хорошая тема, — набросалъ на уголкѣ самъ Пушкинъ. — Грозный. Опричники. Лѣсъ. Большой монологъ. Народъ. Музыка.

— Былъ я. Приду завтра, — писало другое незнакомое лицо.

На обратной сторонѣ скучающій гость нарисовалъ козу. Бумажку вымелъ лакей. Потомъ поднялъ ее и вмѣстѣ съ другими бумажками отдалъ прислугѣ на растопку.

Коза, нарисованная опытной рукой, привлекла вниманіе простодушной женщины. Она взяла бумажку и положила ее къ другимъ бумажкамъ, такъ или иначе заслуживающимъ вниманія.

Судьба играетъ человѣкомъ. Кухарка вышла замужъ. Черезъ восемьдесятъ лѣтъ ея внукъ, ветеринаръ въ одной изъ глухихъ провинцій, разбирая архивъ бабушки, аккуратно сложенный покойницей въ коробкѣ изъ-подъ карамели, нашель бумажку, на краешкѣ которой стояла подпись гениальнаго поэта.

Черезъ двѣ недѣли ее вертѣли въ рукахъ два изслѣдователя Пушкина, которыхъ многіе осторожно звали пушкинцями. Это ремесло перешло имъ по наслѣдству; къ этой профессіи они приучали и своихъ дѣтей обоего пола.

— По-моему — Пушкинъ, — увѣренно сказалъ одинъ изъ нихъ, прочитавъ бумажку, — и фамилія похожая: Пушкинъ, и годъ подходящий...

— Опять же по козѣ видно, — согласился другой, — кто, кромѣ автора «Полтавы», могъ такъ нарисовать это простое животное?..

— Къ тому же этотъ ритмъ въ стихахъ:

Былъ у тебя. Поѣдемъ завтра къ Д.

— Это, кажется, проза...

— Это проза? Ну, знаете... Тутъ даже не поэтъ окончаніе припишетъ: сегодня я, а завтра ты въ бѣдѣ... Слышите?

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Рис. Ре-ми.

Неожиданный выводъ.

Когда челоѣка поймають съ полицнымъ, прижмутъ къ стѣнѣ, уличать въ чемъ-нибудь, онъ вдругъ начинаетъ бормотать какую-нибудь самую сумбурную дрянь:

Официальное агентство Вольфа недавно разослало редакціямъ всѣхъ нѣмецкихъ газетъ корреспонденцію изъ Роттердама. Корреспонденція заканчивалась довольно неожиданнымъ выводомъ, указывавшимъ на то, что въ настоящей войнѣ окажутся два побѣдителя: Англія и Германія.

Въ клѣткѣ заперты двое: тигръ и челоѣкъ... Взаимоотношенія ихъ могутъ вылиться только въ одну опредѣленную, кристалльную форму: или тигръ слопаеть челоѣка, или челоѣкъ укокошитъ тигра.

Другого выхода нѣтъ. Вмѣстѣ они жить не могутъ.

Нѣмцы воображаютъ, что существуетъ другой выходъ: челоѣкъ дастъ тигру обѣсть свои ноги, а потомъ оба заживутъ въ тишинѣ, мирѣ и благоденствіи...

Единственный другъ.

У нѣмцевъ на одной недѣлѣ семь пятницъ. Еще недавно они всюду расклеивали плакаты съ девизомъ: „Боже, накажи Англію“, ввели даже въ обыкновеніе, вмѣсто „здравствуйте“, говорить при встрѣчѣ другъ съ другомъ: „Боже, накажи Англію“, чуть ли не на почтовыхъ маркахъ печатали это странное обращеніе къ Богу.

А теперь...

Вотъ:

Графъ Монтъ недавно помѣстилъ въ газетѣ „Berliner Tageblatt“ статью, въ которой говоритъ, что Германія послѣ окончанія войны должна возобновить добрососѣдскія отношенія съ Великобританіей.

Отсюда ясно, что единственнымъ другомъ Англіи въ такомъ случаѣ является якобы одна Германія.

Отъ всего этого за версту пахнетъ примитивной политикой дешевой кокетки...

Кусокъ Рубенса.

Изъ „Петрогр. Газеты“:

Одна жена лейтенанта изливаетъ свои элегическія чувства въ письмѣ къ супругу, найденномъ на одномъ изъ убитыхъ прусскихъ офицеровъ:

„Жена командира вернулась изъ своего путешествія къ мужу — и привезла 26 шелковыхъ платьевъ, шесть штукъ превосходныхъ часовъ и много драгоценныхъ кружевъ.“

Жена капитана, баронесса М., получила вчера отъ мужа цѣлый вагонъ военной добычи: ковры, кухонную мѣдную посуду, провизію и даже кусокъ старинной картины, — говорятъ, — Рубенса.

Что же ты?“

Замѣчательнѣе всего этотъ „кусокъ картины Рубенса“.

Очевидно, картина попала въ руки нѣсколькимъ цѣнителямъ искусства.

Если бы въ руки этихъ воиновъ попала свинья, они братски раздѣлили бы ее на куски: „тебѣ окорокъ, мнѣ спину, Гансу — голову, Рупрехту — переднія ноги“...

Вмѣсто свиньи, попался на этотъ разъ Рубенсъ. Ну, что жъ — правила товарищества всегда должны быть на первомъ мѣстѣ...

И поступили съ Рубенсомъ свинья туши, яко со свинной тушей...

Цѣль оправдываетъ средства.

Было время, когда выраженіе: „понюхаль пороху“ считалось верхомъ героизма.

Теперь времена наступили болѣе героическія: что значить теперь „понюхать пороху“, когда стали пить динамитъ.

На нѣкоторыхъ рудникахъ въ большомъ ходу новый суррогатъ водки: смѣсь краснаго вина съ растворомъ динамита и курительной махорки. По словамъ газеты, „динамитное“ вино появилось и на югѣ, въ Юзовкѣ, гдѣ бутылки съ подобной гадостью отличаются аккуратной укупоркой и носятъ громкія названія.

О героическія времена! Прежнія буколическія смородиновки, листовки, апельсинки замѣнились гордымъ, грозно гремящимъ этикетомъ:

— Динамитовка!

Здоровъ нашъ русскій народъ!

Въ омскую химическую лабораторію поступаетъ много образцовъ браги домашняго изготовленія. Въ пробѣ, присланной изъ Иссыль-Куля, обнаруженъ гашишъ. Въ Туринскомъ уѣздѣ обнаружено изготовленіе браги съ примѣсью сильно опьяняющаго неизвѣстнаго вещества, отъ котораго потребляющіе напитокъ валятся съ ногъ.

Если цѣль этого сложнаго напитка — только свалиться съ ногъ, то для этого есть средства гораздо менѣе сложныя: ударъ желѣзнымъ шкворнемъ по затылку даетъ тѣ же результаты...

СКОРО ЭТОГО „БОЛГАРИНА СЪ ОБЕЗЬЯНОЙ“ НЕ БУДУТЪ ПУСКАТЬ НИ ВЪ ОДИНЪ ПРИЛИЧНЫЙ ДВОРЬ.

ВАРИАНТЪ СКАЗКИ.

Вильгельмъ: — Чего тамъ особенно огорчаться? Ну, очутился ты, какъ и прежде, у разбитаго корыта... Эка важность!
Францъ-Иосифъ: — Хорошо тебѣ говорить „разбитое корыто“... Да вѣдь корыто-то это разбито о мою голову.

Перемолились.

Заставь „Петроградскую Газету“ о нѣмцахъ писать — она и себѣ, и своимъ читателямъ лобъ разобьетъ.

Отрывокъ изъ передовой статьи:

„Антропофаги, если они существуютъ еще въ Океаніи, на Суматрѣ и въ Полинези, даже и не ведутъ войнъ, а поймаютъ благаго чело- вѣка, отрубая у него руку на завтракъ, или ногу на обѣдъ, и убѣ- ждены, что они кушаютъ мясо особой породы вкуснаго животнаго. Нѣмцы стали такими же людьми, и когда у нихъ изсякнутъ запасы картофеля и мясные консервы, ничего не будетъ удивительнаго, если они предадутся каннибальству и начнутъ пожирать плѣнныхъ англи- чанъ, французовъ и русскихъ, у которыхъ пока отнимаютъ съѣдоб- ные посылки.“

Отнять у плѣннаго съѣдобную посылку или съѣсть его самого — дистанція такого размѣра, которую только и мо- жетъ одолѣть сотрудникъ „Петрогр. Газеты“.

Въ одномъ изъ фельетоновъ Юмы Опискина экзамена- торъ говоритъ по поводу провалившагося ученика:

— Господа! Сей мужъ не знаетъ объ основаніи династіи Карловинговъ!.. Какъ это вамъ понравится?

— Да, да... — покачалъ головой старичекъ со звѣздой. — Хо- роши они, всѣ хороши! Сегодня о Карловингахъ не знаетъ, завтра пошелъ — мать зарѣзалъ...

— Да-съ, ваше превосходительство... золотыя слова извоили сказать! Завтра — мать, послѣзавтра — отца, тамъ опять — мать, и такъ до безконечности — по торной дорожкѣ!

Не напоминаетъ ли „Петрогр. Газета“ въ своемъ усердіи этого умнаго экзаменатора?

„НА СТАРЫЯ ТЕМЫ“.

I. Убѣжденіе.

„Убѣжденье — второе рожденье; навѣкъ убѣдился — вторижды на свѣтъ родился“.

Ипполитъ П.

... А я скажу одно:
 Простите, я — не съ вами!
 И вамъ не суждено
 «Прелестными» словами

Мой разумъ обмануть;
 Что знаю — крѣпко знаю
 И свой тернистый путь
 На вашъ не промѣняю!

Слѣпите взоръ другимъ,
 Чей разумъ дѣтски-зыбокъ,
 А я — неколебимъ.
 Въ бронѣ бывлыхъ ошибокъ
 Неуязвима грудь;
 Что знаю — крѣпко знаю
 И свой тернистый путь
 На вашъ не промѣняю!

Не вѣрю ничему,
 Прислушиваюсь чутко
 Лишь къ сердцу своему
 Да голосу разсудка.
 А голосъ шепчетъ мнѣ:
 Чти опытъ дней прошедшихъ:
 Стой гордо въ сторонѣ
 Отъ дома сумасшедшихъ!
 А сердце шепчетъ мнѣ:
 Не попадайся въ сѣти;
 Стой въ сторонѣ, зане
 Во тьмѣ — и тѣ, и эти!

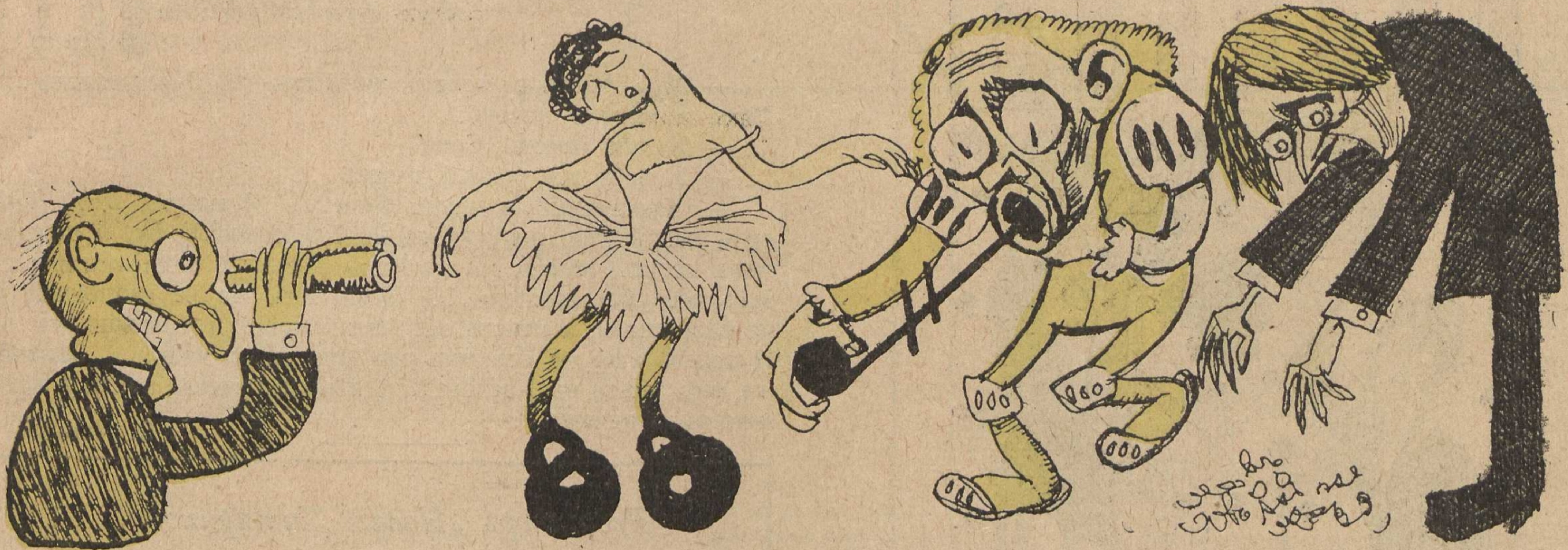
Я молодъ былъ. Тогда бѣ
 Слѣпить мой мозгъ обманомъ!
 Теперь ужъ я — не слабъ;
 Въ бореньѣ неустанномъ
 Окаменѣла грудь;
 Что знаю — крѣпко знаю
 И свой, «рожонный» путь —
 Умру — не промѣняю!

Василій Князевъ.

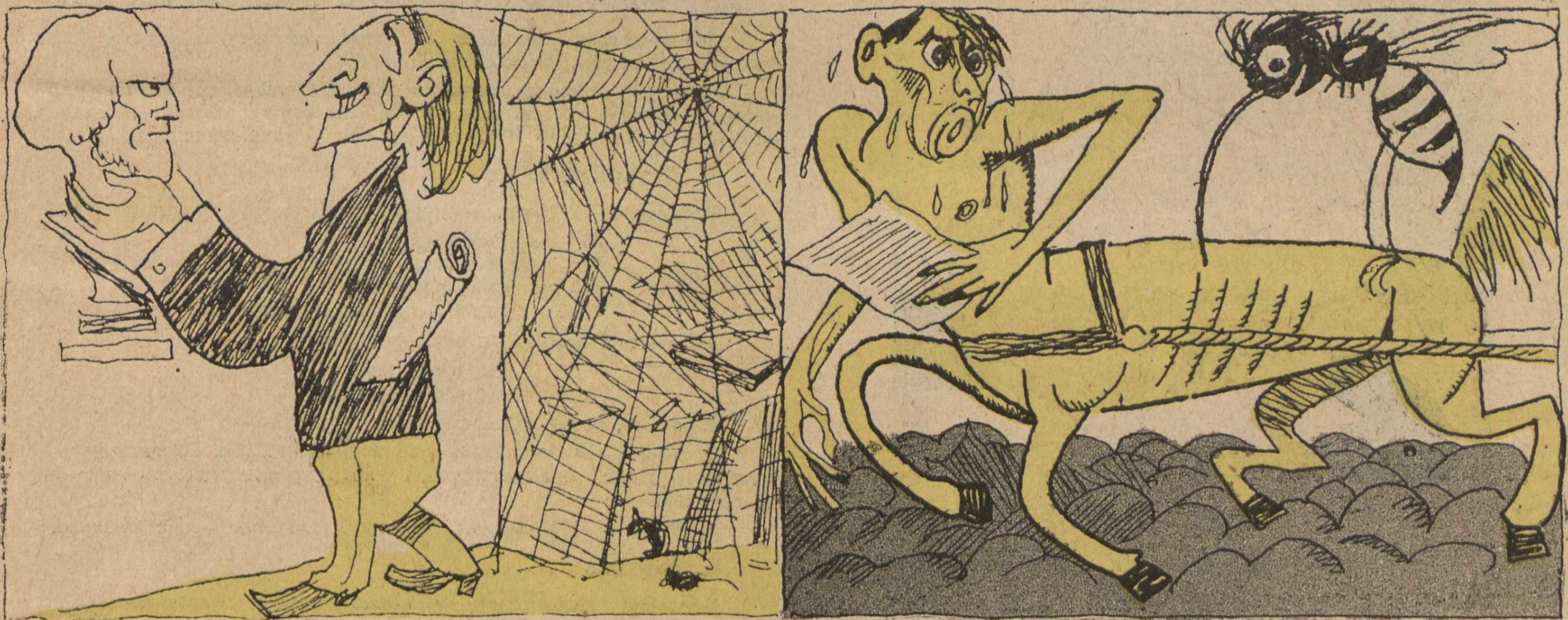
РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪЪЗДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Рис. А. Радакова.

Критика — легка, искусство — трудно.

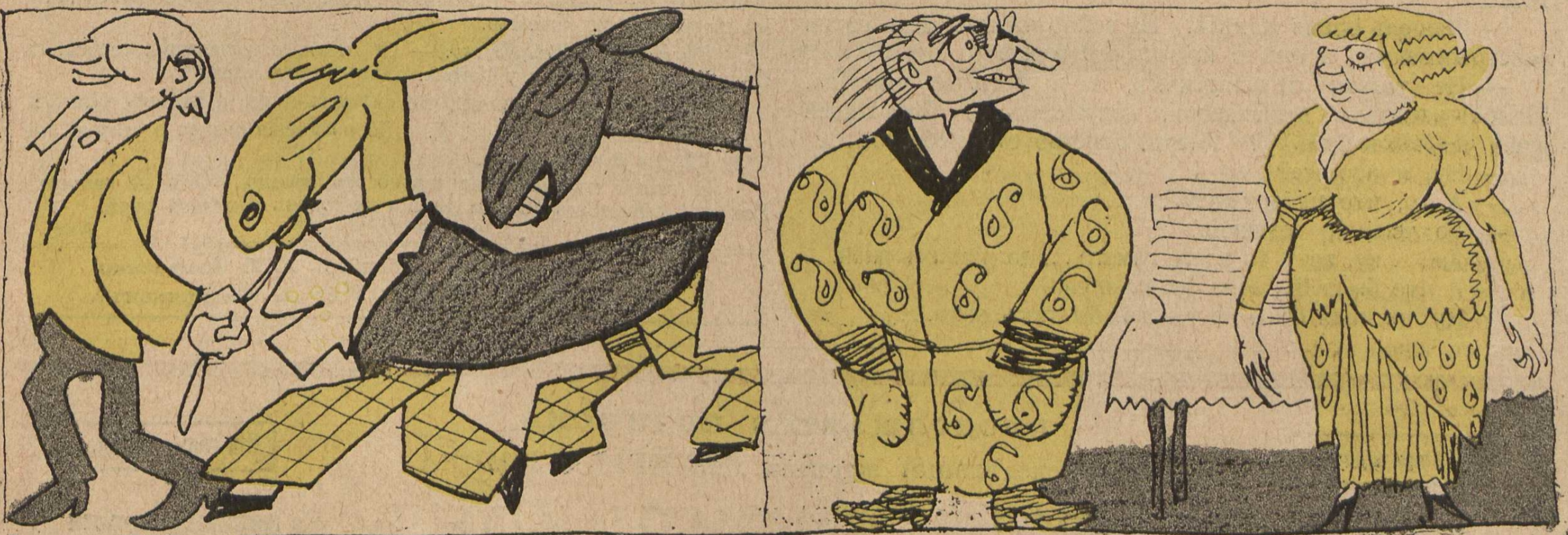

Вотъ пришелъ критикъ и направилъ свое око туда, — куда нужно. И почувствовала балерина, что у нея пудовыя ноги; у пѣвца застряла нога въ горлѣ; поэтъ не могъ подобрать риѣмы и т. д.
А Панургово стадо — толпа — мычить: „Скажи, талантливъ онъ или нѣтъ?!“
И мы, артисты, съ трепетомъ ждемъ его приговора, такъ какъ это будетъ и приговоръ толпы.

Вы, несправедливо умученные критикой, когда вы читаете о себѣ въ газетахъ, припомните слова старика Гейне: „Творенія духа остаются незаблѣмы. а критика есть нѣчто измѣняющееся; она родится изъ возрѣвнїи времени, имѣетъ значеніе лишь для этого времени и съ нимъ умираетъ“.
О, я увѣренъ, что и у Гомера былъ свой критикъ, много часовъ ему испортившїй... Ау!! гдѣ ты? А Гомеръ съ нами навѣки.

И еще вспомнимъ слова, что сказалъ нашъ тихій, милый Чеховъ. Говорилъ онъ, что критикъ часто бываетъ оводомъ, жалящимъ лошадь и пахаря въ минуту, когда они оба выбиваются изъ силъ надъ трудной работой.
Скажите, развѣ свистомъ, который былъ на первомъ представленїи „Чайки“, толпа не звала своего критика, чтобы онъ отвелъ жулика отъ искусства въ участокъ критической статьи?

Правда, бываетъ чудо, что Панургово стадо слушаетъ и понимаетъ критиковъ милостью Божїей, идетъ за ними и даже старается не пылить и ушами не хлопать...

Но вѣдь Панургово стадо слушаетъ и такихъ критиковъ:
— Слава Богу, могу не идти сегодня въ театръ, узналъ, что критикъ „Коптящей Лампы“ будетъ ругать, — значитъ надо хвалить...
Вѣдь и ихъ слушаетъ толпа!
Такъ не огорчайся же, художникъ... Ты самъ свой высшїй судъ..

ПАЛЕЦЪ ВЪ НЕБО.

Профессоръ: — Ну, теперь скажите мнѣ: какія преступленія совершаются чаще всего въ состояннн аффекта?

Студентъ: — Поддѣлка кредитныхъ билетовъ.